

МЕТАМОРФОЗЫ

* * *

Стоит только немного в белёсое небо подняться,
как изменится всё – и деревья, и снег, и дома.
Все детали уйдут, не успев меж собой подравняться,
и померкнут все краски, но чуть отодвинется тьма.

Продолжая подъем, все теряешь из виду и даже
ощущаешь как фон, только змейкой петляет река.
И внезапно поймешь, что залог постоянства пейзажа
в том, что жизнь человечья, как летняя ночь, коротка.

И начнешь сознавать, что к тебе обращенные лица,
то, чем в детстве дышал или чем добываешь свой хлеб,
Лишь страница одна... да и впрочем, какая страница? –
всего несколько слов в незаполненной книге судеб.

А желанья твои, все предметы надежд и гаданий,
всё, на что уповал или тайно молился в тиши,
Вовсе не подоплека для нового круга страданий,
а первичная глина для вылепки лучшей души.

... Стоит только на время в высокое небо подняться,
как изменится все – и душа, и природа сама.
Чтоб остаться собой, в этом мире нельзя не меняться –
воскресать умирая, особенно если зима.

2005 – 2007 гг.

* * *

Архитектура является в дождь –
летний, грибной, с пузырями и пеной,
с солнцем, сквозь тучи ласкающим стены...
Взглянешь рассеянно и пропадешь.

В архитектуре основа – чертеж.
Контур строения, виденный где-то,
Ищешь по книгам, альбомам, буклетам.
образ узнаешь, да текст не прочтешь.

Архитектуру, как музыку, ждешь.
Церковь в усадьбе – как выход маэстро,
Город губернский – концерт для оркестра.
Жаль, партитуры уже не найдешь.

Архитектура – прозрения дрожь,
корень квадратный из сути незримой.
Привкус эклектики неумолимый
чуешь вернее, чем взглядом берешь.

В архитектуре – где правда, где ложь?
Что суждено ей – стать классикой строгой
или руиной в деревне убогой?
Стоимость та же: прикинь да положи.

Архитектура уходит под нож,
но возвращается лет через двести.
Мода со стилем смыкаются вместе
так, что веки их не разомкнешь.

В архитектуре вся разума мощь.
Мы перед нею как малые дети.
Только вдохнув этот ветер столетий,
в нынешней жизни хоть что-то поймешь.

1989 – 2006 гг.

* * *

Уходит мужчина? И что за причина? –
ведь ты и нежна, и близка...
В глаза заводные, такие родные,
как тень, наплывает тоска.

Тоска одиночества? Кого ему хочется?
Ведь он каждый вечер с тобой.
Садись поближе, а он неподвижен,
как будто засела в нем боль.

Боль сгибшей надежды? Но всё, как и прежде.
А дом и семья – не пустяк.
А он привыкает. Легко умолкает,
и смотрит уж как-то не так.

Куда его тянет? И что в нем шаманит?
Гадаешь, как все изменить.
Зовешь – он не слышит. Лишь голос колышет
ослабшую тонкую нить.

А если не слышит, другим чем-то дышит.
В тебе поселяется страх.
А он чуть грустнеет, заметно умнеет,
меняется весь на глазах.

И вот он свободен. Уходит на взводе,
куда – вряд ли знает и сам.
Им разное движет: и сон о Париже,
и жертвенный путь к небесам.

2007 – 2008 гг.